

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ СССР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра европейских исследований Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, главный научный сотрудник Института экономики РАН, Москва, Россия (sim@isras.ru).

Аннотация. Исторический опыт показывает, что для устойчивого развития человеческого сообщества в процессе принятия управленческих решений необходим учет не только интересов индивидов или организаций, принимающих эти решения, но широких социальных групп и общества в целом. Этот этический принцип составляет содержание понятия «социальная ответственность» – одного из фундаментальных понятий социологии. Актуальность этого принципа приобретает особое значение в связи с возрастанием роли субъективного фактора в развитии общества. Проблематика ответственности становится важнейшим направлением современного обществоведения. Особенно важной социальная ответственность становится для деятельности влиятельных общественных групп. Так, возрастающее воздействие на общество и окружающую среду деятельности руководителей и организаторов промышленного производства привлекло внимание к этой группе: в высших учебных заведениях предусмотрен курс «Социальная ответственность бизнеса». В то же время существует и другая общественная группа – политическая элита общества, в деятельности которой этот этический принцип еще более актуален в силу ее наибольшего влияния на развитие общества. В статье анализируется природа и формы проявления социальной ответственности первых лиц государства от ранне- до позднесоветского периода.

Ключевые слова: историческая социология • социология права • теократическая модель социальной ответственности • традиция монологического управления

DOI: 10.31857/S013216250009169-8

Государство появилось в результате развития общественных отношений как политическая форма организации общества на определенной территории, обладающая единым центром управления. Со времени возникновения российской государственности в IX в. и до начала XX в. укрепились традиции единоличного управления монархом (князем, царем, императором). В России, как и в большинстве стран феодальной Европы, часто проявлялись пороки управленческого абсолютизма, наносившие значительный ущерб государственным интересам. История дает этому много примеров.

I

В феврале 1804 г. в Париже был раскрыт заговор против Первого консула Наполеона Бонапарта. Подозреваемый в его организации 32-летний Луи-Антуан де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский был похищен из соседнего немецкого государства Баден, где он жил в эмиграции, и через 5 дней по приговору военного суда казнен. Вскоре выяснилась его полная непричастность к заговору. Это событие получило в Европе политический резонанс. Оно не только стало несмываемым пятном на репутации Бонапарта, но оказалось

трагическим звеном в судьбе его страны: казнь ни в чем не повинного младшего отпрыска Бурбонов послужила поводом формирования монархической коалиции против Франции. Крах Наполеона стал крахом Франции: ее могущество было обрушено, она вернулась в свои дореволюционные границы, потеряв в Наполеоновских войнах миллионы человеческих жизней, испытав огромные экономические бедствия и унижение оккупации.

Тогда стала крылатой фраза, обращенная к главе государства: «Это больше, чем преступление, – это ошибка». Она указывает на величину ответственности первого лица государства, масштаб социальных последствий его решений по сравнению с преступлением – базовым понятием права, которое с XVIII в. в европейских странах стало признаваться как деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. То есть речь идет о соотношении ответственности и компетентности. Ответственность отражает, прежде всего, масштаб, объем, пределы обязанностей человека, освященных его общественным статусом [Смирнов, 2013: 74]. По мнению академика В.Н. Кудрявцева, понятие ответственности шире, чем одна лишь обязанность: это – правоотношение, включающее осознание (понимание) своей обязанности и определенное отношение к ней, которое можно охарактеризовать как чувство долга, стремление профессионально выполнить порученное дело, достижение того результата, который нужен обществу и государству [Кудрявцев, 1986: 286–287].

В современном праве термин «преступление» включает в свой состав ошибку, ведущую к преступлению – «преступная ошибка» – как следствие заблуждения, некомпетентности, халатности, личной выгоды и т.д.

В феодальном обществе термин «преступление» по отношению к первым лицам государства не применяли. Тысячелетняя традиция, исключая монарха из правового поля, основывалась на монологическом управлении. Модель ответственности главы государства описывается словами, которые любили повторять Гогенцоллерны: «Мы получили корону от Бога и не намерены отвечать перед людьми». В российской традиции теократическая модель ответственности выражалась формулой «власть от Бога». Этой формулой, декларирующей юридический иммунитет, принципиально отвергается ответственность монарха перед населением, но это не означало, что отвергается понятие ответственности вообще. Монарх ограничен не волей народа, но верой. В теократической модели ответственности высшая государственная власть несла ее перед Высшим существом, что подчеркивало важную компоненту ответственности – этическую. Российские самодержцы от Ивана Грозного до Николая II были глубоко религиозными людьми, ответственность перед Богом они ощущали в полной мере. Однако ошибки одного привели к многолетней «Смуте», разорившей государство, второго – к его гибели.

II

Общественные формации меняются быстрее, чем человеческая психология. В сменившем царизм большевистском вождизме с первых шагов проявилось теократическое наследство. Разница состояла только в том, что место Высшего существа заняла Мировая революция. Реальная практика, как и национальные интересы, отменялись, моральная компонента оказалась лишней, ибо «нравственно все, что ведет к победе коммунизма» [Шабуров, 1994: 14]. Диалог власти с обществом, осуществляемый в процессе революции (личный прием граждан, встречи с рабочими на предприятиях, выступления лидеров большевиков на митингах и собраниях), прекратился. В секуляризованном обществе теологическая модель ответственности власти за свою страну переоформилась в глобальную ответственность, в которой приоритет интернациональных целей оказался выше национальных. Этому приоритету, сохранявшемуся на протяжении всего советского периода и дорого стоившему нашей стране, начало было положено еще во времена Гражданской войны в 1919 г. – с вхождением большевистской партии в ею же созданный Коммунистический интернационал и объявление себя (партии) секцией этой всемирной партии коммунистов.

Примером тому является политика большевиков в отношении Турции. Во второй половине XIX в. Османская империя быстро деградировала. Этот, как тогда было принято

ее называть, «больной человек Европы», поддерживающий существование иностранными займами, не исчез с карты мира только потому, что европейские державы боялись вызвать перераспределение баланса сил и последующее кровопролитие на Балканах. В 1879 г. Турция официально объявила о своем банкротстве. По требованию кредиторов, в 1881 г. было учреждено Управление Османского государственного долга, в ведение которого переходило взимание ряда важнейших налогов и сборов в счет выплаты задолженностей. Над Турцией был установлен финансовый контроль, что означало превращение ее в полуколонию. Наибольший долг и соответственно наибольшее финансовое закабаление Турции было со стороны Германии. Роковым решением для Турции стало ее участие в Первой мировой войне на стороне Германии. Союзники разгромили слабую турецкую армию и провели раздел ее территории, закрепленный Севрским договором 1920 г., по условиям которого территория Турции была бы в два раза меньше нынешней. Но вмешалось Советское правительство.

Эмиссары Ленина стали приезжать к Кемалю осенью 1919 г. Финансовая и военнотехническая помощь Советской России туркам переломила ход греко-турецкой войны 1919–1922 гг., в которой турки потерпели поражение. Советское правительство оказало Турции безвозмездную помощь в 10 млн золотых рублей. Этот подарок был сделан, когда в собственной стране свирепствовал голод, охвативший 35 губерний (наиболее разрушительно он ударил по Поволжью, Уралу, Западной Сибири) и унесший жизни свыше 5 млн чел. Турция также получила 39 тысяч единиц стрелкового оружия, 58 млн патронов, 327 пулеметов, 54 артиллерийских орудия, 130 тысяч снарядов, 2 морских истребителя и большое количество другого военного снаряжения [Справочная информация..., 1963: 147–148].

Инструкторы из Советской России помогли туркам создать боеспособную армию. В результате греческие войска были разбиты, Севрский договор утратил силу. Через три года пришлось заключать новый договор – Лозаннский (1923), по которому часть Малой Азии, где компактно проживали более 4 млн греков, болгар и представителей других христианских народов, Константинополь и Черноморские проливы вновь оказались турецкими [Россия..., 1999: 451]. Стратегически важная часть Российской империи – вся западная Армения была передана Турции, т.е. результаты победы России в войне 1877–1878 гг. с Турцией были аннулированы. Произошел уникальный правовой казус: впервые в мировой истории побежденная страна расширилась за счет территории противника. В правоприменительной практике понятие «казус» классифицируется как действие, имеющее признаки преступления, но не влекущее за собой наказания. То есть это была именно «ошибка», а не «преступление», что подтвердили дальнейшие события. Дружба с Турцией несколько не способствовала мировой революции. Кемаль-паша поначалу сдержал обещание легализовать коммунистическую партию, что было исполнено в 1921 г., но в том же году ее председатель Субхи и 14 его соратников были убиты, а в 1923 г. компартия была запрещена. Кемаль-паша получил за свои заслуги титул Ататюрк (отец турок).

Таким образом, помощь Турции обернулась тем, что у южных границ России возникло сильное и амбициозное исламское государство. В конце 1930-х гг. Турция ориентировалась на Германию, а после нападения Германии на СССР перебросила на советско-турецкую границу 26 дивизий. Осенью 1942 г. в случае падения Сталинграда они были готовы к нападению на СССР [Еремеев, 2005: 217]. После Второй мировой войны Турция вступила в НАТО и в 1961 г. дала согласие на размещение на своей территории ядерного оружия и американских ракет, угрожающих Москве и основным промышленным центрам СССР, что привело к Карибскому кризису 1962 г., поставившему человечество на грань мировой войны.

III

События начала 1920-х гг. оказались спусковым механизмом в распаде Советского Союза – «крупнейшей геополитической катастрофе XX века», по оценке В. Путина. Среди причин этой катастрофы значительная роль принадлежит межнациональным отношениям (см.: [Оников, 2002]). В этой связи польский общественный деятель и остролов А. Михник

перефразировал ленинский тезис «империализм как последняя стадия капитализма» в «национализм как последняя стадия коммунизма».

Речь идет об обострении межэтнических и территориальных конфликтов на территории СССР. Еще шла гражданская война, а большевики занялись проведением границ между возникшими республиками. Нередко в основе этого процесса лежали сиюминутные политические мотивы – так были заложены истоки будущих межэтнических конфликтов. С чего начались массовые протесты в конце 1980-х гг.? С миллионов митингов в Армении. Примером может быть история вопроса о принадлежности Нагорного Карабаха, который решался в тот момент согласно тактическим расчетам советского руководства [Годовой отчет..., 1921]. Очередной территориальный казус имел для страны если не роковые, то очень близкие к ним последствия.

Весь советский период из Карабаха шел увеличивающийся поток жалоб коренного населения на дискриминацию по этническому признаку. Вот что пишет в своих воспоминаниях Н. Рыжков: «С 1920-х гг. армяне, составляющие здесь в настоящее время 75% населения, требуют воссоединения с Арменией. В августе 1987 г. они направили Горбачеву письмо с 80 тыс. подписей, подтверждающих требование вернуть Карабах Армении. Но тот даже не посчитал нужным отвечать на это обращение. Вот тогда в конце января 1988 г. и начались демонстрации и забастовки, а 20 февраля областной совет депутатов НКАО 110 голосами против 30 принял обращение к Верховному Совету СССР, в котором ходатайствовал об административном присоединении Карабаха к Армянской ССР. 25 февраля ВС СССР ответил отказом, а на другой день только в Ереване число демонстрантов выросло до миллиона человек» [Рыжков, 1992: 203].

Это были первые в СССР массовые протесты, всколыхнувшие всю страну. Однако впервые возникшее в СССР массовое народное движение, пишет заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС К. Брутенц, было тогда «преступно недооценено властью» [Брутенц, 2005: 379].

Анализ революций, проводимый в последние годы многими зарубежными обществоведами, приводит к общему выводу: все без исключения революции в той или иной степени являются следствием или неадекватности, или нерешительности, или просто некомпетентности первых лиц государства [Hough, 1997; Скочпол, 2017]. Своевременно проведенные реформы исключают необходимость насильственных перемен. А с тем, что Советский Союз можно было реформировать, соглашались теперь все большее число даже тех российских исследователей, которые рьяно отстаивали тезис о неизбежности его ухода с исторической арены. Падение СССР – рукотворный процесс. Слишком много ошибок было допущено в позднесоветский период. Располагая огромными образовательным, научным, техническим потенциалами, уникальными природными богатствами, стремлением народа к переменам, СССР в 1980-х гг. был готов к реформированию. Целый ряд разумных предложений по экономическим реформам предлагался ведущими творческими коллективами. «К сожалению, все эти предложения были категорически отвергнуты... – пишет Ж.Т. Тощенко. – В Москве прорабы перестройки слушали только самих себя» [Тощенко, 2003: 18]. Монологическое управление в условиях возрастания сложности общественных процессов оказалось гибельным для государства.

IV

СССР нет уже почти 30 лет, но ошибки его прежних руководителей омрачают существование не только жителей нашей страны, но и мировое сообщество в целом. Исторически неизбежное возвращение Крыма в состав России, состоявшееся в марте 2014 г., привело мировое сообщество к состоянию холодной войны и угрозе третьей мировой войны, а Россию к продолжающемуся экономическому кризису, обеднению населения и росту социальной напряженности.

И вновь источником этой крайне неблагоприятной ситуации оказался территориальный казус – передача первым секретарем ЦК КПСС Н. Хрущевым Крыма Украине в 1954 г.

Одни историки объясняют этот шаг Хрущева тем, что, будучи первым секретарем ЦК украинской компартии в 1938–1947 гг., он был лично повинен в массовых репрессиях и, чтобы в какой-то мере искупить вину перед Украиной, сделал широкий жест, использовав подходящий повод – 300-летие Переяславской Рады – вхождение Украины в состав России. Есть и другое мнение – передача была вызвана экономическими соображениями: из бюджета Украинской ССР целесообразнее осуществлять финансирование Крыма. Хотя при существующей системе централизованного управления экономикой можно было этот вопрос решить более простым путем: предусмотреть специальный раздел в бюджете УССР, наполняемый из бюджета РСФСР. Тем более что бюджеты и РСФСР, и УССР были частями общего бюджета СССР, а распределение средств по республикам осуществлялось директивно Минфином СССР.

Разумеется, и те, и другие обоснования имели место, но не они определяли судьбу Крыма. Основной причиной был монологическое управление, где власть руководителя партии была практически неограниченной. Хрущев сосредоточил всю ее полноту в своих руках – он был одновременно и Первым секретарем ЦК КПСС, и Председателем Совета Министров. Управленческий абсолютизм был характерным для всех советских вождей, но Н. Хрущев отличался непредсказуемостью и особой склонностью к импульсивным поступкам, спонтанным решениям, бесконечными реорганизациями. При снятии его со всех постов на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г. Хрущеву инкриминировались «единоначалие», «волютаризм», «субъективизм», проще говоря, самоуправство, а главное – «административный нажим», с которым внедрялись все его непродуманные инициативы: от кукурузомании до борьбы с личными подсобными хозяйствами, в результате чего впервые в своей истории Россия стала импортировать зерновые [Как снимали..., 1993: 34–37].

Передача Крыма Украине полностью вписывалась в сценарии многочисленных новаций Хрущева и соответствовала его характеру. 19 февраля 1954 г. срочно был собран Президиум Верховного Совета СССР, причем из 27 его членов присутствовали только 13, т.е. кворума не было, при этом двое присутствующих не имели права голоса. Но даже при кворуме решение о передаче Крыма было незаконным, так как ни Конституция СССР (ст. 14), ни Конституция РСФСР (ст. 33) не предоставляли полномочий Президиумам Верховных Советов по рассмотрению вопросов о передаче входящих в состав РСФСР административно-территориальных образований другим республикам. Для этого должно быть согласие РСФСР в лице его высшего органа государственной власти – Верховного Совета РСФСР. Были также нарушены статьи 15 и 18 Конституции СССР и статьи Конституции РСФСР, не позволяющие «изменять территорию республики без проведения всенародного опроса (референдума)». Но судьбу Крыма решило первое лицо, грубо нарушившее существующее законодательство, а посмеявшие возражать были наказаны. Так, первый секретарь Крымского обкома КПСС П. Титов, решительно выступивший против передачи области в состав Украинской ССР, был немедленно снят с должности.

V

Ошибка Н. Хрущева обязан был исправить первый президент России Б. Ельцин при подписании Беловежских соглашений 8 декабря 1991 г., используя возникшую правовую ситуацию. Все республики-учредители, в том числе РСФСР и УССР, которые вошли в состав СССР, подписали 30 декабря 1922 г. Договор об образовании СССР. После того, как они 8 декабря 1991 г. аннулировали этот договор, республики должны были вернуться в те границы, с которых они входили в состав СССР, – правовая норма, нарушение которой является незаконным актом. Крым 30 декабря 1922 г. входил в состав РСФСР, поэтому он возвращается в РСФСР. В международном праве есть формула: *iniquis actum non facereius* – незаконный акт не создает права. Поэтому все последующее, в том числе и Будапештский меморандум, не имеет безупречной юридической основы.

В качестве сравнения можно привести развитие ситуации в Прибалтике. Вскоре после войны И. Сталин принял решение включить Калининградскую область в состав Литвы.

А. Снечкус – первый секретарь ЦК компартии Литвы, немало рискуя своим непослушанием, сумел убедить Сталина отказаться от своего решения. Снечкус понимал, что русское население Калининградской области составит треть населения республики, в будущем это может привести к трудно прогнозируемым событиям. Тем более что в Литве после передачи ей в 1939 г. Виленского края проживало многочисленное польское население. «Я это не должен взять, это – не мое» – так поступил вопреки воле самого Сталина мудрый литовский политик, чем облегчил жизнь будущим руководителям литовского государства.

Ситуацию с Крымом хорошо понимал знаменитый украинский историк М.С. Грушевский – первый президент Украины. Грушевский председательствовал на заседании Украинской Центральной Рады 7 ноября 1917 г., на котором провозглашалось создание Украинской Народной Республики в составе таких земель (цитата на языке оригинала): «Київщина, Поділя, Волинь, Чернігівщина, Полтавщина, Харківщина, Катеринославщина, Херсонщина, Таврія (без Криму)»¹.

До 1954 г. никому в голову не приходила идея оторвать Крым от России. Ибо невозможно было представить, что русский народ сможет примириться с утратой той части территории России, которая теснейшим образом связана с ее историей и культурой: создатель Черноморского флота князь Потемкин-Таврический, прославленные русские полководцы – генералиссимус А. Суворов и фельдмаршал М. Кутузов, знаменитые адмиралы П. Нахимов и Ф. Ушаков, выдающиеся деятели русской национальной культуры – А. Пушкин, Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький, И. Бунин, И. Айвазовский, А. Куинджи, П. Чайковский, С. Рахманинов, Ф. Шаляпин, И. Репин, В. Немирович-Данченко и многие другие. У каждого народа есть свои национальные святыни. Крым, где вся его топонимика становится с детства знаковой для нашего самосознания, в России так и воспринимается.

Следует отметить, что в Литве большинство населения относится с пониманием к факту возвращения Крыма в Россию [Симонян, 2019: 63]. Литовцы были в таком же положении, когда их культурно-историческая святыня – Вильнюс, построенный великим князем Гедиминасом в 1323 г. и в течение нескольких веков являвшийся столицей литовского государства, по решению стран Антанты в 1918 г. был отдан Польше. В 1939 г. правительство СССР восстановило справедливость: Вильнюс был возвращен Литве.

VI

После Второй мировой войны в большинстве современных государств утвердилось норма, при которой «каждое решение правителя стало доступным в свободной общественной оценке, что является основанием для политической ответственности» [Stein, 2009: 37]. Тем самым завершился процесс формирования принципиальной безличности современной власти, в результате которого правители стали «слугами», «должностными лицами», «агентами», «нанятыми менеджерами» государства [Йонас, 2004: 177]. В мире происходит эволюция власти, направленная на оберегание человечества от рисков возрастающей роли субъективного фактора в историческом процессе. Ограниченная возможностью свободной оценки и, следовательно, социального контроля, «власть из “над” превращается во власть “для”, а ответственность перед обществом первых лиц государства становится неотъемлемой составляющей политической жизни» [Пивоваров, 2006: 49].

Отсутствие свободной общественной оценки на всем протяжении советской власти позволяло руководителям совершать действия, наносящие ущерб национальным интересам страны. Уже в конце горбачевской перестройки СССР безвозмездно передал США 46,3 тысячи кв. км своей акватории в Беринговом море. Американцам достались не только богатые рыбой промысловые районы, но и значительная часть континентального шельфа, в том числе перспективные участки нефтегазовых бассейнов «Наваринское» и «Алеутское».

¹Третій універсал Української Центральної ради, 7 листопада 1917 р. // ЦГАВОУ України (Центральний державний архів вищих органів влади і управління України). Ф. 1115. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

Соглашение о передаче территорий было подписано 1 июня 1990 г. в Вашингтоне министром иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и госсекретарем США Дж. Бейкером. Статья 108 Конституции СССР устанавливала, что определение государственной границы СССР относится к исключительному ведению Съезда народных депутатов СССР. Но согласия Съезда не было, а Верховный Совет СССР отказался ратифицировать документ о передаче территорий в пользу США. Предвидя это, Шеварднадзе и Бейкер обменялись нотами, на основе которых ввели временный порядок действия документа, который действует и сегодня.

Таким образом, идея безответственности руководителей СССР устойчиво воспроизводилась весь советский период, прикрываясь различными идеологемами. Если Крым был «подарком братскому народу», то акватория Берингова моря тогда преподносилась общественности, как очередной «мост дружбы» между народами. «Намного ли сплотил оба народа такой подарок?» – задает в связи с этим вопрос заместитель директора Института Европы РАН проф. В. Фёдоров, занимавший тогда пост губернатора Сахалинской области, и отвечает: «Ни насколько. По сути, мы имеем дело с предательством по отношению к своей стране» [Фёдоров, 2004: 18].

VII

К сожалению, в СССР не сложилась практика анализа подобных «казусов». В новой постсоветской России территориальная целостность страны является важнейшим приоритетом государственной политики, а возвращение Крыма вызвало одобрение подавляющего большинства населения нашей страны.

Но общественное сознание меняется медленно. Традиции теологического сознания социальной ответственности пока еще доминируют. Главные для развития России вопросы – кто виноват? что делать? – поставленные ее лучшими умами в середине XIX в., сегодня вызывают различное отношение. Если второй воспринимается все же всерьез, то к первому отношение ироническое, даже презрительное. Но эти два вопроса тесно увязаны, они неразделимы [Симомян, 2002: 35]. В концентрированном виде они составляют исходную государственную программу, единство которой нельзя разрывать. Правильного ответа на второй вопрос не найти, если не получить исчерпывающего ответа на первый. Определение вины – это фиксация и изучение допущенных просчетов и ошибок, исследование условий их возникновения и, следовательно, поиск гарантий от их повторения в будущем. Определение вины – это персонификация ущербных управленческих решений, приведших к отрицательному результату, иначе невозможно обеспечить ответственность за их принятие. Определение вины – это обязательное условие извлечения выводов из любой случившейся аварии, и прежде всего социальной, в целях ее предотвращения.

С ответа на вопрос «кто виноват?» начинается процесс иммунизации общества от произвола и безответственности власти. В нынешнем российском дискурсе попытки запустить этот процесс вызывают раздражение, для этого случая найдено даже специальное словечко-табу – «проехали». «Проехали», следовательно, запрещено к этому возвращаться. Но если не персонифицирована ответственность, то, следовательно, виноватых нет или виноваты все, а отсюда искаженное фатальной обреченностью общественное сознание, путь в безысходность. Обоснованный и своевременный ответ на вопрос «кто виноват?» означает отказ общества от теократической модели ответственности. Объективный ответ на него, побуждая общество искать и анализировать причины неудач, является необходимым актом страхования нации от проигрыша в мировом соревновании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакатин В.В. Дорога в прошедшем времени. М.: Центрполиграф, 1999.
Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2005.

- Годовой отчет НКВД к VIII Съезду Советов (1919–1920). М.: Наркоминдел, 1921.
- Еремеев Д.Е. Турция в годы Второй мировой и «холодной» войн (1939–1990). М.: Гуманитарий, 2005.
- Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004.
- Как снимали Хрущева: материалы пленума ЦК КПСС (октябрь 1964 г.) // Исторический архив. 1993. № 1. С. 14–38.
- Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М.: Юридическая литература, 1986.
- Оников Л.А. КПСС: анатомия распада. М.: Республика, 1996.
- Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН, 2006.
- Ретиф де ла Бретон Н. Ночи революции. М.: Молодая гвардия, 1924.
- Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л. Нежинский. М.: Международные отношения, 1999.
- Рыжков Н.И. Перестройка: история предательства. М.: Новости, 1992.
- Симонян Р.Х. Страны Балтии и распад СССР (О некоторых мифах и стереотипах массового сознания) // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 27–39.
- Симонян Р.Х. Страны Балтии и Россия в контексте украинского кризиса // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 61–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-61-68.
- Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Ин-т Гайдара, 2017.
- Смирнов И.В. Социологический подход к пониманию правовой ответственности // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 2(29). С. 74–79.
- Справочная информация от редакции журнала // Международная жизнь. 1963. № 11. С. 146–148.
- Тощенко Ж.Т. Этнокрафия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.
- Фёдоров В.П. Трагедия России: Вымирание народа и территориальная незащищенность. М.: ИЕ РАН, 2004.
- Шабуров А.С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности. Дис. ... д-ра юр. наук. Екатеринбург, 1992.
- Яковлев А.Н. Горькая чаша. Большевизм и Реформация России. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1994.
- Hough J.F. Democratization and Revolution in the USSR, 1985–1991. Washington: Brookings Institution Press, 1997.
- Stein K. Die Verantwortlichkeit politischer Akteure. Tübingen: Mohr Siebek, 2009.

Статья поступила: 03.02.20. Принята к публикации: 05.03.20.

SOCIAL RESPONSIBILITY OF SOVIET POLITICAL ELITES IN HISTORICAL RETROSPECT

SIMONYAN R.H.

MGIMO University, Russia

Renald H. SIMONYAN, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher of the Center for European Studies MGIMO University, Chief Researcher of the Institute of Economics RAS, Moscow, Russia (sim@isras.ru).

Acknowledgments. This article was prepared with the financial support of MGIMO University in the framework of project No. 1921-01-01 “The Sociocultural Phenomenon of the Border Region in the post-Soviet Space: Mass Consciousness, Ethnocultural and Religious Identities, Social Practices”.

Abstract. Historical experience has shown that sustainable development of the human community in the process of making managerial decisions needs taking into account not only interests of individuals or organizations making these decisions, but also interests, values and goals of wide social groups and society as a whole. This ethical principle is the content of the concept of “social responsibility” – one of the fundamental concepts in social science. The relevance of this principle grows in connection with an increasing role of subjective factor in the socio-historical process. Social responsibility becomes especially important for activities of the most influential social groups. Thus, the increasing impact on society and the environment of the activities of managers and organizers of industrial production has drawn attention to the social responsibility of this social group. Responsibility for the state of society and the natural environment is becoming an important area of social science, the number of studies in this area of scientific knowledge multiplies. Higher education institutions are expanding their teaching

courses like "Social Responsibility of Business". At the same time, there is another social group – political elite of society, to whose activity this ethical principle is even more relevant due to its greater influence. The article – starting from the early to the late Soviet period – analyzes nature and forms of social responsibility manifestations of first persons of the state.

Keywords: historical sociology, sociology of law, theocratic model of social responsibility, monological governing model.

REFERENCES

- Background Information from the Editorial Board of the Journal. (1963) *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Life]. No. 11: 146–148. (In Russ.)
- Bakatin V.V. (1999) *The Road in the Past Tense*. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
- Brutents K.N. (2005) *Unfulfilled. Partial Notes about Perestroika*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
- Eremeev D.E. (2005) *Turkey during the Second World War and the "Cold" War (1939–1990)*. Moscow: Gumanitariy. (In Russ.)
- Fedorov V.P. (2004) *Tragedy of Russia: Extinction of the People and Territorial Insecurity*. Moscow: IE RAN. (In Russ.)
- Hough J.F. (1997) *Democratization and Revolution in the USSR, 1985–1991*. Washington: Brookings Institution Press.
- How Khrushchev was Fired: Materials of the Plenum of the CPSU Central Committee (October 1964). (1993) *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. No. 1: 14–38. (In Russ.)
- Jonas G. (2004) *Principle of Responsibility. The Experience of Ethics for Technological Civilization*. Moscow: Ayris-press. (In Russ.)
- Kudryavtsev V.N. (1986) *Law, Act, Responsibility*. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (In Russ.)
- Nezhinsky L. (ed.) (1999) *Russia and the Black Sea Straits (XVIII–XX Centuries)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
- Onikov L.A. (1996) *KPSS: Anatomy of the Collapse*. Moscow: Respublika. (In Russ.)
- Pivovarov Yu.S. (2006) *Russian Politics in its Historical and Cultural Relations*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Retief de La Breton N. (1924) *Nights of the Revolution*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
- Ryzhkov N.I. (1992) *Perestroika: History of Betrayal*. Moscow: Novosti. (In Russ.)
- Shaburov A.S. (1992) *Political and Legal Aspects of Social Responsibility of the Individual*. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2019) The Baltic States and Russia in the Context of the Ukrainian Crisis. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Vol. 63. No. 9: 61–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-61-68. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2002) The Baltic States and the Collapse of the USSR (On Some Myths and Stereotypes of Mass Consciousness). *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 12: 27–39. (In Russ.)
- Skocpol T. (2017) *States and Social Revolutions: a Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Smirnov I.V. (2013) Sociological Approach to Understanding Legal Responsibility. *Uchyonye trudy rossiyskoy akademii advokatury i notariata* [Transactions of the Advocacy and Notarial Academy of Russia]. No. 2(29): 74–79. (In Russ.)
- Stein K. (2009) *The Responsibility of Political Actors*. Tübingen: Mohr Siebek. (In Germ.)
- The Annual Report of the NKID to the VIII Congress of Soviets (1919–1920)*. (1921) Moscow: Narkominodel. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2003) *Ethnocracy: History and Modernity* (Sociological Essays). Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Yakovlev A.N. (1994) *Bitter Cup. Bolshevism and the Reformation of Russia*. Yaroslavl: Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)

Received: 03.02.20. Accepted: 05.03.20.